

A romantic couple is featured in a grand ballroom. The woman, with long dark hair, wears a shimmering blue sequined gown and leans her head against the man. The man, with dark curly hair, is seated at a grand piano, playing. The room is elegantly decorated with chandeliers and a large vase of white flowers. In the background, a large window reveals a city skyline at night, with a full moon visible in the sky.

Злата Хитрова

Запретный дуэт.
Наши сердца
звучат в унисон

Злата Хитрова

**Запретный дуэт. Наши
сердца звучат в унисон**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Запретный дуэт. Наши сердца звучат в унисон / З. Хитрова —
«Автор», 2026

Он сорвал моё прослушивание. А теперь я обязана играть с ним в четыре руки! Я приехала из деревни поступать в престижную музыкальную академию. Марк Вельский — богатый, самоуверенный наследник мецената — вмешался в моё выступление и превратил его в скандал. Ректор вынес приговор: либо готовим совместный концерт, либо оба вылетаем. Марк ненавидит мои правила. Я ненавижу его высокомерие. Каждая репетиция превращается в битву, пока однажды я не слышу музыку, которую ему запретил играть собственный отец. Теперь нас хотят разлучить, мою репутацию уничтожают, а на кону стоят стипендия и будущее. Но сможем ли мы сыграть любовь, если боимся доверить друг другу даже тишину?

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Злата Хитрова

Запретный дуэт. Наши сердца звучат в унисон

Глава 1

До рояля было семь шагов. На пятом я едва не чихнула: из складок занавеса летела пыль, а дышать я зачем-то пыталась особенно глубоко. Сдержалась, поставила сумку возле скамьи. Софиты слепили. Пришлось смотреть на край инструмента — в зале, наверное, решили, что я опустила глаза от робости. Ладно. Пусть послушают.

Фамилию Ветрова объявили без запинки, деревню в анкете прочитали по слогам. Тут же захотелось добавить, что у нас тоже есть рояль. В клубе, под портретом директора, с западающей клавишей. Но представлять его комиссии я не собиралась. Сегодня им предстояло услышать меня, Алису, и я целую дорогу в поезде разбирала трудные места на собственных коленях. Сосед думал, что я нервная. Не сильно ошибся.

За столом Лапина перевернула страницу блокнота. Даже на меня не посмотрела. Я перестала поправлять манжету: это ведь тоже заметно, когда тебе нужен хоть один одобрительный кивок. Ректор сидел рядом, обхватив руками стакан воды. На всех прошлых прослушиваниях сначала говорили «можете начинать». Здесь, видимо, нужно было самой догадаться, когда тебя готовы вытерпеть.

Подтянула скамью и проверила расстояние до педали. Не хватало ещё потянуться за ней всем телом, как за нашим клубным роялем. Шопен, баллада соль минор. Мой педагог предлагал выбрать вещь полегче. Я тогда ответила, что лёгкую они забудут до следующего абитуриента. Теперь приходилось исполнять собственную смелость, и ладони почему-то были совсем сухими.

Начало вышло именно таким, как я отработывала. В первом трудном месте большой палец вовремя ушёл под ладонь; получилось даже лучше, чем вчера. Я позволила себе посмотреть в зал. Лапина подняла ручку. Зачем я это сделала? Снова следи за кистью, Алиса. Ещё один поворот фразы, и можно чуть выдохнуть.

На моей паузе справа вдруг взяли бас.

Сначала я решила, что не сняла педаль. Проверила ногой — отпущена. Чужой звук продолжался, поверх него пошла знакомая мелодия. За вторым роялем сидел Марк Вельский. Он вступил в мою балладу, будто мы заранее договорились, хотя у нас была одна-единственная договорённость: ждать своей очереди.

Он попадал как раз в те места, где я берегла тишину. Очень ловко, зараза. Теперь мне приходилось слушать его, чтобы вообще разобрать свою фразу. Я посмотрела на комиссию. Хоть кто-нибудь остановит? Лапина следила за нами и молчала. Захотелось захлопнуть крышку и уйти, но потом весь курс будет помнить только этот уход.

— Ты теряешь фокус, — прошептала я себе, стиснув зубы так, что заныли скулы.

Прибавила темп. Ему хотелось, чтобы я сбилась? А я взяла следующий пассаж без единой заминки и так сильно прижала клавиши в конце, что заболели подушечки пальцев. Он ответил громче. Меня уже не интересовало, понравится ли комиссии Шопен. Мне нужно было заставить этого красивого наглеца хоть раз подождать, пока я закончу.

Марк добавлял ноты, которых в балладе не было. Я знала партитуру достаточно хорошо, чтобы слышать каждый такой фокус, и от этого злилась ещё больше. Перейти за мной в новый

темп он успел без труда. В зале кто-то перестал шелестеть программкой. Убедились, что я замечаю чужую игру? Отлично. Теперь уберите её из моего экзамена.

Ректор поднял руку. Остановилась сразу; Марк успел взять ещё две ноты и только потом снял руки. Внутри рояля долго тянулся низкий звук. Я ждала, когда он кончится, и не решалась первая отодвинуть скамью.

У Марка вырвался короткий смешок. Я повернулась к нему всем корпусом: очень хотелось убедиться, что он хотя бы смущён. Нет. Сидел удобнее, чем до начала этой гадости.

— Сильно, — сказал он, всё ещё глядя на клавиши. — Очень сильно. Жаль, что бессмысленно.

Он закинул ногу на ногу, как в гостях, где уже принесли чай. С такого расстояния я замечала и линию его носа, и складку у рта; мне совсем не хотелось их замечать. Глупо, но это тоже раздражало: устраивает мне катастрофу, а выглядит так, что половина зала готова на него смотреть вместо комиссии.

Ректор отодвинул стакан и встал. Я выпрямилась, заранее придумывая, как объяснить, что не просила никакого второго инструмента.

— Достаточно, — сказал он сухо.

Лапина положила ручку поперёк страницы. Смотрела на нас обоих, однако выговор явно собиралась делать мне тоже. Я так и не дождалась, чтобы она спросила Марка, зачем он полез в чужую программу.

— Алиса Ветрова, Марк Вельский, — ректор обвел нас обоих тяжелым взглядом. — Вы оба продемонстрировали высший пилотаж... в отсутствии уважения друг к другу и к искусству. Ваша «дуэль» была не музыкой, а криком о помощи двух избалованных детей.

Избалованных? Я посмотрела на носки своих туфель. За них пришлось отдать деньги, которые берегла на комнату поприличнее: решила, что плесень на стене комиссия не увидит, а обувь — увидит. Очень хотелось рассказать ректору об этом удачном выборе. Я прикусила щёку.

— Поэтому решение следующее, — продолжил ректор, игнорируя мой нарастающий ужас. — Оба приняты в класс фортепиано. Но на финальном концерте весеннего семестра вы будете играть дуэтом. Один инструмент, четыре руки. Если вы не сможете договориться и сыграть вместе хоть одну композицию без скандала — оба исключаетесь навсегда.

Я дважды пересчитала пальцы на своей ладони, прежде чем дошло: половина клавиатуры достанется ему. Не на отдельной репетиции, не в пробном упражнении. На концерте, от которого зависит моё место здесь. Он только что сделал всё, чтобы я провалилась, а теперь мне велят доверить ему вступление.

— Но... — начала я, вскакивая со стула.

— Вопросы после подписания контракта о сотрудничестве, — перебил ректор. Он уже направлялся к двери. Я осталась стоять у скамьи, так и не договорив. Когда дверь хлопнула, один из студентов у выхода поднял телефон. Пришлось первой отвернуться.

Все вдруг вспомнили, куда им надо. Между рядами зашуршали сумки; две девушки обменялись взглядами и замолчали, когда я подошла забрать свою. Кто-то произнёс мою фамилию. Я застегнула молнию со второго раза и решила не выяснять, что к ней добавили.

Марк никуда не спешил. Достал сложенную партитуру; на сгибах бумага пожелтела, край был затёрт. Развернул лист и оторвал длинную полоску. Потом ещё одну. Он бросал их на крышку рояля, а я зачем-то следила, какие ноты попали на обрывки. Вот чему его здесь научили: музыку рвать можно, отвечать за чужой экзамен — необязательно.

Подошла ближе и убрала руки за спину. Он не получит ещё и удовольствие посмотреть на дрожь. Мне предстояло репетировать с ним целый месяц, поэтому разбираться лучше сейчас, пока не стала бояться даже войти в класс.

— Ты сделал это специально, — прошипела я. — Чтобы сорвать мой экзамен. Ты просто сын мецената, который купил себе место скандалом.

Он сложил остаток листа вдвое и провёл ногтем по сгибу. Я стояла так близко, что могла выхватить бумагу. Всё равно не поднял головы — намеренно заставлял ждать. Ещё бы номерок мне выдал.

— Подними глаза, когда с тобой говорят, — потребовала я.

Марк наконец посмотрел. Я приготовилась к ухмылке, но её не было. Он будто решал, стоит ли вообще продолжать этот разговор. От такого взгляда хотелось одёрнуть юбку и проверить, не испачкалась ли где-то, хотя грязного в этом зале хватало без меня.

— Ты играешь как метроном, — сказал он. — Красиво, чисто. И совершенно бездушно. Мне плевать, с кем позориться в этом цирке, но ты сама выбрала сюда прийти. Не приходи ко мне снова, пока не научишься слушать музыку, а не свои амбиции.

На выходе он даже не оглянулся на испорченные листы. Я подняла один обрывок, прочитала две ноты и положила обратно. Не хватало ещё убирать за ним. За мной он сегодня тоже ничего исправлять не собирался.

Глава 2

Мне нужен был выход в общежитие. В коридоре вместо указателей висели портреты музыкантов, и все они смотрели в разные стороны, будто тоже не могли найти лестницу. Обошла пару возле окна. От их духов першило сильнее, чем от сценической пыли. Я перехватила сумку другой рукой и поискала глазами хоть какую-нибудь дверь без фамилии великого человека.

— Ох, бедняжка!

Кира Лапина улыбалась у окна. Я знала её с самого первого дня: дочь декана успела объяснить мне, где находится класс, а потом полчаса рассказывала, кому ещё она помогла здесь освоиться. Теперь та же заботливая улыбка была предназначена зрителям у соседней двери. Меня она, конечно, видела; всем остальным предстояло увидеть, как ей меня жалко.

— Я видела, как ты вышла из зала, — Кира подошла ближе, кладя руку мне на плечо. Ее пальцы были холодными и влажными. — Так жалко. Все эти студенты будут говорить, что ты сорвала выступление из зависти к богатству Марка.

— Заткнись, — процедила я, стряхивая её руку.

Кира подождала, пока на нас обернутся. Только тогда раскрыла сумочку и вынула деревянный метроном. Притащила заранее, значит. У неё на мои провалы был инвентарь.

— Держи. Утешительный приз.

На тёмном корпусе оставалась полоска более светлого лака — видимо, там когда-то была наклейка. Маятник криво торчал над шкалой. Я посмотрела на него, потом на Киру: правда думает, что я не отличу исправную вещь от хлама?

— Зачем мне это? — спросила я, не беря подарок.

— Чтобы тренировать чувство ритма, конечно же! — Кира повысила голос, и несколько студентов у ближайших дверей обернулись. — Видишь ли, у тебя проблема с пульсацией. Ты слишком много думаешь и мало чувствуешь. Этот маленький друг поможет тебе попадать в такт. Хотя бы в базовый.

Она отпустила метроном, даже не проверив, взяла ли я его. Поймала обеими руками. Рядом кто-то хмыкнул. Теперь у неё будет ещё и история про бедную нервную Алису, которая не умеет принимать подарки, если я швырну эту штуку на пол.

— Спасибо, — сухо сказала я.

— Не благодари, — Кира уже отвернулась, поправляя прядь волос. — Просто помни: музыка — это про душу. А у тебя там, кажется, сквозняк.

Отвела маятник в сторону и отпустила. Он дёрнулся, скрипнул и остался на месте. Кира уже шла к подругам. Я могла догнать её и вернуть подарок, но всё, что хотелось сказать, было неприличным. Пришлось положить метроном в сумку и осторожно придержать — даже эту дрянь я боялась разбить.

Они засмеялись за моей спиной. Я сжимала сумку, пока деревянный угол не начал давить в ладонь. Пустяковая вещь. Почему же я до сих пор стою в коридоре, будто получила замечание и меня не отпустили?

В общежитии села на пол: стол был слишком мал для раскрытой сумки и метронома. На стене возле кровати проступало влажное пятно, которое хозяйка назвала «остатками ремонта». Достала ножницы из ящика. Один винтик в основании корпуса торчал наружу; казалось, стоит его повернуть — и маятник наконец сдвинется.

Корпус оказался треснутым. Я водила по трещине ногтем, вспоминая, как Кира сказала «душа», а Марк — «метроном». Если заведу эту вещь, никто об этом не узнает. Зато я буду

знать, что она работала, пока Кира не сделала из неё шутку. Такая маленькая, никому не нужная победа вдруг понадобилась мне ужасно.

Кончик ножниц не вошёл в паз винта. Попробовала поддеть ось маятника; дерево под лезвием чуть промялось. Надавила сильнее — ножницы соскользнули и чиркнули по большому пальцу. Я уронила их, даже не успев разозлиться на себя.

— Черт!

На дереве осталась капля крови. Прижала палец к футболке и проверила, могу ли согнуть его без боли. Через пару часов репетиция, а я занята вредительством собственным рукам. Очень умно, Алиса.

— Аккуратнее с режущими предметами.

Обернулась так резко, что задела ножницы коленом. В дверях стоял Тимофей, тот самый студент-акустик с наушниками на шее, которого я утром встретила на общей кухне. Я оставила дверь открытой, проветривая комнату, а он шёл мимо с баночкой смазки. Конечно, именно в эту минуту.

— Что ты делаешь? — спросила я, прижимая раненый палец к груди.

— Ты пытаешься сломать его окончательно, — спокойно заметил Тимофей, входя в комнату без приглашения. Он поставил баночку на стол и протянул мне маленькую плоскую отвертку. — Он не сломан. Он просто старый. Как и твоя злость. Если будешь бить по нему, он рассыплется в щепки. Попробуй смазать ось. Там смазка высохла.

Отвёртка была короткой, со стёртой синей ручкой. Я знала, что ею получится лучше, чем ножницами. От этого особенно хотелось сказать ему какую-нибудь гадость: пришёл, посмотрел десять секунд и нашёл то, чего я не смогла найти за полчаса.

— Тебе что, делать нечего? — огрызнулась я. — Иди почини своё пианино или свою жизнь.

Он покосился на каплю крови на корпусе, но читать мне лекцию не стал. Пожал плечами. Я уже приготовилась защищаться, объяснять, что вообще-то умею обращаться с инструментами. А он просто стоял и ждал, когда я закончу злиться.

— Жизнь починить сложнее, — сказал он тихо. — Но попробовать стоит.

Тим положил отвертку возле метронома и вышел. Я оторвала кусок салфетки, прижала к порезу. Одного взгляда на синюю ручку хватало, чтобы снова вспомнить, как жалко я выглядела на полу. Закинула отвертку в ящик. Пусть лежит там. Метроном я в итоге тоже не выбросила.

Было бы легче, если бы Тим посмеялся. На насмешку у меня хотя бы находился ответ.

У четвёртой аудитории дверь закрывалась с усилием. Потянула за ручку, услышала, как щёлкнул язычок замка. Коридор сразу стал тише. Окон здесь не было; на противоположной стене висели часы, и один рояль почти касался другого длинным боком. За ними предстояло рассаживаться так, чтобы видеть руки партнёра.

Марк пришёл раньше. Пока я устраивала папку на пюпитре, он брал короткие аккорды, ни разу не повторив один и тот же. Хотелось сказать «здравствуй» так зло, чтобы это точно не выглядело дружелюбием. Я решила сберечь голос для разговора о программе.

Села и отодвинулась от инструмента на пару сантиметров. Проверила порез: салфетку уже можно убрать. Марк скользнул взглядом по моему пальцу, но спрашивать не стал.

— Начнем с гаммы до-мажор, — приказал Марк, не поднимая головы.

— Мы должны работать над программой концерта, — возразила я. — У нас есть месяц.

— Сначала база, — отрезал он. — Играй.

Начала гамму. До второй октавы можно было вообще не смотреть на руки. Я поглядывала на него: это проверка или он действительно потратит нашу первую репетицию на то, чему учат детей? Он дождался, пока я возьму следующую ноту, и поднял обе кисти.

Влез с пассажем посреди гаммы. Сначала я удержала скорость. Тогда он ускорился; подстроилась — он затормозил. Мы проделали это дважды. Никакой программы, никаких предложений. Только он и моя попытка угадать, где опять выдернет из-под меня опору.

— Ты слушаешь бумагу! — вдруг закричал он, останавливаясь.

От его крика я сняла руки с клавиш. Правой накрыла левую, будто действительно могла так сохранить хоть что-нибудь от нашей репетиции. Его рояль стоял совсем рядом, и громкий голос здесь не требовался.

Он поднялся и хлопнул кулаком по крышке. Я посмотрела на место удара, потом на его пальцы. Играть ими ему ещё сегодня. Значит, сейчас важнее показать мне, насколько он рассержен, чем поберечь собственные руки.

— Ты не слышишь музыку! Ты слышишь только свои ошибки! Ты боишься сделать шаг, потому что тогда придется чувствовать! А чувствовать больно!

Мне захотелось отъехать вместе со скамьёй. До двери было дальше, чем до него. Всё же я подняла голову: если он снова начнёт говорить о моей бездушности, буду хотя бы смотреть, как ему даётся эта речь.

— Ты... ты истеришь? — прошептала я.

На слове «истеришь» он перестал двигаться. Кулак всё ещё лежал на крышке, но плечи чуть опустились. Я впервые заметила, что Марк стоит криво — будто пытается сдержать вдох.

В глазах у него была влага. Я посмотрела на дверь, куда он теперь упрямо глядел: там никого не было. Зачем стоять, если можно сесть? Он сжал губы, провёл ладонью по крышке, и я поняла, что новой эффектной реплики пока не дождусь.

Его отца здесь называли так почтительно, словно тот лично изобрёл рояль. Фамилия, подарок академии, ещё один подарок. Мне было неловко слушать даже чужие благодарности. А если твоё имя всякий раз произносят только после его? Мысль была неприятная, но к моему испорченному экзамену пока не прикладывалась.

— Да, — тихо ответил он, и в его голосе не было угрозы. Только усталость. — Я истерю. Потому что ты права. Я не могу играть так, как хочу. А ты можешь. И ты выбираешь не делать этого.

Мы оба замолчали. Часы щёлкнули особенно громко; я подняла голову и увидела, сколько времени уже потратили. За эту минуту можно было разобрать хотя бы вступление.

Положила ладони на колени. Большой палец щипало. А ещё хотелось, чтобы он повторил последнее без крика: что именно, по его мнению, я могу такого, чего он не может?

Ведь я сюда пришла играть. Могла попробовать его вариант, а потом попросить попробовать мой. Всю жизнь делала именно наоборот — сперва довести своё до состояния, за которое не стыдно, а потом уже показывать. В этот раз он не давал мне даже закончить.

Я подняла руку, собираясь остановить его прежде, чем он опять отвернётся. До его плеча было далеко, получился просто нелепый жест между двумя роялями. Так и держала ладонь в воздухе. «Давай ещё раз», — уже хотела сказать я, но он посмотрел в сторону двери.

Марк отвернулся прежде, чем я успела заговорить.

В коридоре что-то щёлкнуло, и свет в аудитории погас.

Рука ещё висела в воздухе, а я её уже не видела. Опустила на край рояля, чтобы знать, где нахожусь. Марк перестал шуршать одеждой. Его дыхание было где-то справа; только по нему я теперь и могла понять, что он не ушёл. Мне впервые за вечер захотелось, чтобы сказал хоть что-нибудь.

Глава 3

Через неделю у меня появилась привычка проверять номер аудитории, хотя четвёрку уже невозможно было ни с чем перепутать. Всё равно смотрела, прежде чем нажать ручку. За дверью играл Марк. Прижала папку к животу, выпрямилась. Если сегодня мы снова потратим час на его издевательства, вечером мне придётся искать свободный инструмент одной. До концерта оставалось всё меньше времени.

Вошла, когда он держал аккорд на педали. Марк добавил сверху три ноты, подождал и взял ещё одну. Неприятное сочетание. У него хватало слуха, чтобы знать это без подсказки. Я решила не спрашивать, почему он упражняется именно в нём, и открыла свою папку. На полях уже стояли мои цифры: места, с которых мы могли начать, не споря о целой пьесе.

— Начнём со второй части нашей аранжировки Бетховена. Поставила телефон на край пюпитра и включила метроном. У Марка чуть поднялась бровь. — *Allegro con brio*, — добавила я. — Скажешь, когда будешь готов. — Я готов ещё до того, как ты открыла дверь. — Тогда покажи. Без сюрпризов хотя бы первые четыре такта.

Он повернул голову ко мне, не убрав руки с клавиш. — Ты всегда такая? «Смотри на меня», «соблюдай темп»? Как дрессированная собачка, Алиса. Только трюки у тебя скучные. Я отключила звук метронома на секунду, чтобы он точно услышал ответ.

— Мы пытаемся не вылететь из академии. Ты хочешь ещё обсудить собачек или сегодня всё-таки сыграем? Он потянулся к моей папке. Я успела придержать край. — Не трогай. Там моя разметка. — Уже вижу. Ты даже паузы пронумеровала. — Потому что кое-кто их не выдерживает.

Марк посмотрел на листы, потом на меня. Я отпустила папку, когда он убрал руку. Очень хотелось уже услышать музыку, а не очередное объяснение, почему я неправильная. — Ладно, — сказал он. — Попробуем вместе. Если выдержишь мою интерпретацию. — Первые четыре такта, — повторила я. Он едва заметно кивнул.

Четыре такта действительно сыграл как надо. На пятом добавил синкопу, которую мы не обсуждали. Я попробовала удержать свою партию, он сдвинул следующую фразу ещё дальше. Телефон продолжал щёлкать; теперь метроном мешал слышать и его, и себя. Выключила его левой рукой, потеряла секунду и вернулась на клавиши уже поздно. Марк даже не посмотрел, успеваю ли я. Это он называл вместе.

— Стоп! Я подняла руку над клавиатурой, чтобы он увидел. Марк видел совершенно точно. Продолжал играть.

Он прибавил громкости, а я так и сидела с поднятой ладонью. Кисть начало сводить. Опустила её на колено, размяла большой палец; Марк разогнал пассаж настолько, что я перестала разбирать отдельные ноты. В конце резко снял педаль. Последний аккорд остался без продолжения, на которое я уже машинально приготовилась ответить. Он и это оборвал там, где было удобно ему.

В виске стучало. Я потеряла кисть, проверяя, отпустит ли судорога, и только потом спросила: — Ты делаешь это специально? — А ты боишься перестать контролировать каждый удар, — ответил Марк, откинувшись на стуле. — Вдруг обнаружишь, что внутри пусто? Техника без души — это манекен, Алиса. Красивый, статичный и абсолютно бесполезный. Я перестала растирать руку. Он смотрел на неё, и мне стало стыдно даже за боль.

В дверях появилась Кира с двумя стаканчиками кофе. Второй, очевидно, предназначался не мне: она поставила его возле Марка. Телефон держала другой рукой, экраном к себе. Я увидела на нём маленькое изображение моих коленей и быстро убрала ладонь. — О-о-о, драма! — сказала Кира в телефон. — Марк опять ломает бедную стипендиатку? Похоже, сейчас запла-

чет. — Камеру выключи, — сказала я. Она улыбнулась Марку, будто просьба прозвучала из соседнего класса.

Крышечка её стаканчика оставила мокрый кружок на лаке. Я невольно потянулась стереть; остановилась, заметив, как Кира переводит телефон за моей рукой. — Мама слушала у двери, — сообщила она. — Говорит, вам нужно больше человечности. Может, мне сесть вместо Алисы? Марк, мы с тобой хотя бы чувствуем музыку одинаково. — Спроси мою партнёршу, — ответил он. Так и сказал. Но улыбнулся при этом Кире, и я не могла понять, защищает он меня или подкидывает ей новую шутку.

Кира развернула к нам телефон и включила запись Шопена. По крошечному динамику было трудно судить о звуке, зато видно было, как она ждёт реакции. В приоткрытой двери оставилась Лапина. Посмотрела на телефон, на меня, на Марка. Я хотела предложить сыграть самой — прямо сейчас, с места, где мы остановились. Декан покачала головой и ушла, даже не дав мне открыть рот. Кира нажала паузу. Отличное прослушивание: один человек выбирает запись, другой уже знает, кому поставит минус.

— Видишь? — Кира забрала телефон, пряча улыбку. — Тебе не хватает огня, детка. Или ума.

Кира ушла. Кофе оставила на рояле, и я раздражённо переставила стакан на низкую полку у двери. Потом поняла, что всё-таки убрала за ней, и разозлилась ещё сильнее. — Ты трус! — сказала я Марку. — Саботируешь нашу работу, потому что тебе плевать на правила? Хочешь провалиться, чтобы всем доказать, какой ты выше системы? Пришлось подняться: говорить ему это снизу вверх я больше не могла.

Марк тоже встал. Возле рояля сразу стало тесно, но я не отодвинулась. — Я хочу увидеть, кто ты, когда нет нот. Когда нет метронома, — сказал он. — Ты прячешься за правильным исполнением. А я знаю, что там. Пустота. Страшно, правда? — Ты не знаешь, — начала я. Он посмотрел мне в лицо так внимательно, что закончить получилось только шёпотом: — Ты вообще ничего обо мне не знаешь.

Мне было что сказать: про часы за инструментом, про экзамен, про то, что он сам сегодня на пятом такте нарушил собственное обещание. Всё застряло в горле. Я отвела взгляд к пюпитру и увидела на листе собственные цифры. Простейшая работа — отметить вступление — теперь казалась ему доказательством моей неполноценности. Я отвернула папку, чтобы не дать ещё и листам попасть под его взгляд.

Тимофей заглянул из коридора с отвёрткой и связкой ключей. Постучал ею о дверной косяк, хотя дверь и без того была открыта. — Педаль у вас скрипит. Можно глянуть? Он спросил Марка, но посмотрел на меня. Видимо, моё лицо отвечало раньше, чем я успела. — Не сейчас, — начала я. Тим уже сделал шаг в комнату.

И вдруг мне стало невыносимо, что он увидит всё это: отодвинутые ноты, мой телефон с метрономом, кофе для Марка. Поймёт, что опять пришёл не вовремя помогать мне. — Выйдите! Все! — выкрикнула я. Тим остановился с ногой над порогом. — Я только педаль... — Мне нужно побыть одной. Пожалуйста. Последнее слово я почти проглотила. Сказать его ещё раз уже не могла.

Тим первым вышел и придержал дверь. Марк прошёл мимо него, задев плечом косяк. Дверь хлопнула; на пюпитре вздрогнул лист. Я выждала, пока шаги удалились. Было ужасно тихо, и именно поэтому я снова слышала своё «все вон», хотя больше никто меня не слушал.

Папку закрывать не стала. Подошла к роялю и взяла одну ноту. Потом две рядом — тот аккорд, на котором Марк остановился. Можно было довести фразу до конца. Я повторила сочетание, дождалась, пока струны затихнут, и снова повторила. От такого бессмысленного занятия кисть наконец отпустило. Я хотя бы выбирала, когда будет следующий звук.

Возле пюпитра стояла корзина. Из неё торчал смятый лист, исписанный нотами; я решила поднять его, прежде чем наступлю, и увидела нашу партию. На полях — почерк Марка. Рядом

с тактами, где он сбил меня синкопами, стояла фраза: «Если она не сорвётся, я сорвусь сам». Я присела на край скамьи и расправила бумагу. Значит, он продумывал это заранее. Взяла лист за оба края, чтобы не порвать от злости.

Ниже ручка продавила бумагу до маленького надрыва: «Отец хочет классику. Безопасную. Мёртвую. Я задыхаюсь. Алиса, помоги мне дышать. Или дай умереть». Своё имя в чужом черновике я прочитала трижды. Мы едва знакомы, а он уже требует от меня то, чего я никак не могла ему обещать.

Сначала захотелось сунуть лист обратно в корзину. Потом — найти Марка и спросить, какого чёрта он написал моё имя, если считает меня манекеном. Я ещё минуту назад была готова списать всё на его удовольствие от чужого провала. Здесь же он писал о своём отце, давил на ручку так, что ломалась бумага. Это не делало репетицию менее гадкой. Зато теперь я знала, какой вопрос он упорно обходил.

Расправила последний загнутый угол. Он тоже кому-то доказывает, что умеет играть. Просто доказывает, ломая то, что делает другая девчонка. Я прижала лист к папке и решила отдать лично: пусть говорит эти слова мне, а не полям возле пятого такта.

В коридоре он стоял у стены. Увидев черновик, убрал руку с дверной ручки. Значит, всё-таки не собирался уходить. Я остановилась на пороге, держа бумагу перед собой; между нами помещался целый разговор, но начинать его первой опять не хотелось.

Марк посмотрел с листа на меня. Улыбнулся одним углом рта, однако обычного удовольствия в этой улыбке я не увидела. — Ну что, манекен? Готова танцевать? Я не опустила папку. Пусть сначала посмотрит на собственную просьбу о помощи — она была прямо между нами.

Глава 4

Наутро я свернула в технический блок вместо класса. В пальцах всё ещё оставалось вчерашнее напряжение: сжимала ремешок сумки — тут же приходилось разжимать. Особенно злил последний вопрос Марка. «Готова танцевать?» Он улыбнулся у двери так, будто мы с ним удачно провели вечер. Мне этот вечер хотелось проветрить из головы вместе с запахом Кирино кофе.

В общежитии меня обязательно встретили бы у кухни. Спросили, как прошла репетиция, и я стала бы врать или злиться. Поэтому спустилась к складу списанных инструментов. До этого Тим говорил, что они там чинят пианино; я тогда кивнула, почти не слушая. А теперь искала дверь, за которой хоть на полчаса не придётся держать лицо.

Замок на двери был электронным. Я дёрнула ручку, посмотрела на красную лампочку и прижалась к стене: по коридору шёл охранник. Проверяла время на телефоне, делая вид, что никуда не собиралась. Он проходил так медленно, что успел бы прочитать мою анкету до последней строчки. В эту часть здания я пришла без пропуска. Только замечания об этом мне сейчас и доставало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.